

Бабушка слабо улыбалась:

— За меня не бойся. Я уже приготовила место для билета, да такое надежное... Не взять его немцу. Руки коротки у ката. Ты сам, Олежек, будь осторожен. Дядю Колю слушайся...

Так они утешали друг друга.

Перед отъездом Олег, конечно, забежал попрощаться с Линой. Он просил ее, если не удастся выехать, прятаться от немцев, быть стойкой, духом не падать и ждать возвращения своих.

А мне он сказал:

— Обо мне не беспокойся, мама. Будь уверена, я найду себе дело. Я думаю, что мне лучше всего пойти в армию или в партизаны. Недаром я выбивал сорок восемь из пятидесяти возможных. Теперь вот как пригодится!

— Сыночек мой, — пробовала я возражать ему, — это хорошо, что ты такой, но ведь тебе только шестнадцать лет!

— Соловей хоть и маленький, да голос у него большой, — как всегда, отшучивался Олег. — Во всяком случае, за чужими спинами твой сын отсиживаться не будет. Ну уж, нет!

Я волновалась за Олега, знала: у него слово не разойдется с делом. Но что я могла сделать? У птенца отросли крылья, и родное гнездо стало тесным ему.

Утром 16 июля я собирала в далекий путь самых дорогих и близких моему сердцу людей. Вместе с ними уехала моя приятельница, чертежница геологического отдела, Елена Петровна Соколан. Олег любил и уважал Елену Петровну, она была нашим другом.

Проводила я их за город. Там на окраине молча обняла сына, крепко его поцеловала.

— Делай все так, как подскажет тебе твоя совесть, — сказала я ему на прощанье.